

УДК 910

В. Г. Шведов

**КОНФЛИКТ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ С МЕТРОПОЛИЕЙ — ПРЕДДВЕРИЕ ВОЙНЫ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В публикации анализируется политическая ситуация в Северной Америке в XVI—XVIII веках — время формирования конфликта между Великобританией и ее американскими колониями. Прослеживаются следующие линии — экономические отношения, проблематика вокруг результатов Войны с французами и индейцами и Войны Понтиака. Дан обзор британских сил и сил колонистов накануне столкновения.

Ключевые слова: Северная Америка, Великобритания, колонии, индейцы, экономика, дискриминация, война, конфликт.

Vyacheslav G. Shvedov
**CONFLICT OF THE BRITISH COLONIES IN NORTH AMERICA WITH THE MOTHER
COUNTRY — THE EVE OF THE WAR OF INDEPENDENCE
(HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS)**
(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

This paper discusses the political situation in North America in XVI—XVIII centuries. It was the time of growing conflict between the United Kingdom and American colonies. The situation comprised economic relations, the problems around the War against Frenchmen and Indians and Pontiac's War. The observation of British and Colonists forces before collision is made.

Key words: North America, Great Britain, colonies, Indians, economics, discrimination, War, conflict.

**I. Краткая характеристика экономического развития колоний.
Назревание конфликта с метрополией**

Одним из залогов быстрого развития английских северо-американских колоний был быстрый рост их населения. К 1725 г. здесь проживало 2,5 млн человек (без учета негров и рабов), тогда как в Великобритании — 11 млн. Таким количеством жителей тогда не обладало ни одно из владений других стран в Северной Америке [1; 3]. Столь внушительный населенческий массив сложился благодаря:

– высокой рождаемости. Средняя детность семей колонистов составляла 5 детей, что к середине XVIII в. обеспечивало более 40 % демографического прироста;

– интенсивным въездом из метрополии, население которой не было стеснено в своих передвижениях крепостными узами.

Шведов Вячеслав Геннадьевич — доктор географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан).
e-mail: i-svg@yandex.ru

© Шведов В. Г., 2013

Большое значение имела и социальная обстановка в колониях [2; 19]. Разумеется, здешнее общество не было идеальным. Но его не сковывало огромное число феодальных пережитков; в нем, помимо всего прочего, изначально складывалась обстановка свободного предпринимательства.

В сочетании с богатым ресурсным потенциалом осваиваемых земель эти факторы обеспечили быстрый рост и диверсификацию экономики. Хотя в городах проживало всего 3 % переселенцев (в Нью-Хемпшире, Массачусетсе, Род-Айленде и Коннектикуте – около 10 %), колонии включились в существовавшую систему международного разделения труда как заметный производитель промышленной продукции. Уже первый транспорт, отправленный ими в Англию в 1608 г., вез груз промышленного назначения – железную руду и корабельный лес. Затем сложилась прогрессирующая тенденция переработки добывавшихся ресурсов на местах.

К концу XVII в. колонии ежегодно производили 30 тыс. т чугуна, что составляло $\frac{1}{7}$ часть его мирового объема. Плавилась медь, свинец, цинк. Множилось число мастерских по производству и ремонту домашней утвари, орудий труда, оборудования для мануфактур и плавилен. Так как ввоз и вывоз товаров разрешались лишь на английских судах, колонии развивали кораблестроение. Высокая квалификация местных мастеров подкреплялась таким важным «аргументом», как качественный и дешевый лес. К концу XVII века в колониях строилось до $\frac{1}{3}$ британских торговых кораблей, сооружение которых обходилось на 20 % дешевле, чем судов, строившихся в метрополии, а качество было не хуже. Наконец, колонии выпускали большое количество шерстяных тканей, меховых изделий, соды, лесохимических материалов, продукции рыболовства и китобойного промысла.

Успешно развивался и аграрный сектор. С середины XVII в. в связи с ростом числа землепользователей в колониях практиковалась продажа целинных и залежных участков. Стоимость одного их акра равнялась одному пенни, т. е. была символической. Размер разовой земельной покупки составлял 50 акров; но площади последующих земельных перекупок у других собственников не ограничивались. Эта ситуация содержала два принципиальных момента. Во-первых, в сравнении с испытывавшими «аграрный голод» европейскими странами североамериканские колонии находились в состоянии «аграрного изобилия». Во-вторых, крупным земельным собственником в колониях мог стать человек из любой социальной страты¹. Для Европы, где обладание обширными угодьями оставалось привилегией аристократии, такое положение дел было немислимо.

И все же большинство занимавшихся сельским хозяйством колонистов были людьми небогатыми, а стоимость инвентаря и тягловых жи-

¹ Если он, разумеется, обладал личной юридической свободой, т. е. не был рабом.

вотных оставалась высокой. Поэтому на первых порах преобладала мотыжная обработка полей; в некоторых общинах хозяйствам, сумевшим первыми завести плужную гужевую пахоту, выплачивались специальные премии. Но этим негативным факторам противопоставлялись природное плодородие угодий и упорный труд колонистов, большинство из которых впервые в жизни работали ради полноценного обеспечения своих семей, а не на содержание сеньора-землевладельца. Соединение этих факторов дало внушительный эффект. Его подкрепляет такое свидетельство очевидца: «... персиков так много, что свиньи на фермах едят их сколько хотят, и, тем не менее, огромное их количество гниет под деревьями» [46].

Первоначально фермеры возделывали привычные им культуры: пшеницу, ячмень, овес, коноплю, овощи. Но затем в хозяйства внедрились аборигенные растения. Главной зерновой культурой стала кукуруза, а технической — табак.

Именно табак стал основой сельскохозяйственного экспорта колоний. Для его выращивания идеально подходили климатические условия Вирджинии, Северной и Южной Каролины, Джорджии. Фактически он сформировал здесь особую социальную среду аграрного сектора. С одной стороны, ее образовывали зажиточные люди, владевшие крупными, в сотни и тысячи акров, наделами; с другой — здесь сосредоточился контингент подневольных сельскохозяйственных работников.

Первую партию невольников из Африки (70 человек) доставили голландские купцы в Вирджинию в 1608 г. В XVII в. в североамериканских колониях было продано более 150 тыс. негров-рабов. Их труд позволил форсировать производство табака. Если в 1618 г. Вирджиния поставила его на внешний рынок на сумму в 500 тыс. ф. с., то в 1680 г. объем его продаж увеличился до 20 млн ф. с.

К середине XVIII в. колонии являли собой сложившийся экономический «организм», обладавший самодостаточным сельским хозяйством и развитой промышленностью [13; 14]. В их пределах выделялись три экономические зоны:

– Новая Англия (Нью-Хэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут), где находились главные верфи, добывающие, металлургические, химические, инструментальные предприятия, ремесленные мастерские. Фермеры выращивали европейские зерновые культуры, картофель, фрукты. Эти колонии давали основные объемы вылова рыбы, добычи китов, пушнины;

– центр (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Делавэр, Пенсильвания, Мериленд). Более благоприятные агро-климатические условия вывели здесь на передовые позиции сельское хозяйство. Избыток продукции растениеводства и богатые пастбища позволили создать фермы по разведению лошадей, рогатого скота, свиней. В городах преобладали небольшие предприятия по переработке сельхозпродукции, мануфактуры, ремонтные мастерские;

– Юг (Вирджиния, Северная и Южная Каролина, Джорджия) целиком сосредоточился на аграрном секторе. На крупных рабовладельческих плантациях выращивались экспортные культуры – табак, хлопок, индиго.

Итак, экономические успехи колоний были несомненны [6]. Но этот факт вызывал раздражение метрополии. Вопреки тому, что в них проживали вполне лояльные к ней соотечественники, Великобритания не ощущала их своей органической частью. Единственной стороной отношений, где она проявляла себя, был сбор налогов. А со временем ее дополнила откровенно негативная реакция, которую обусловили следующие, казавшиеся Лондону состоятельными, причины:

- защита собственных производителей от конкуренции со стороны качественной и более дешевой колониальной продукции;
- сохранение зависимости колоний от английского производства;
- исключение возможной утечки части налоговых сборов пресечением прямых торговых связей колоний с «третьими» странами;
- стремление к получению дополнительных экономических выгод за счет спекулятивного реэкспорта колониальных товаров.

Нельзя исключать и элементарную зависть, которую испытывали определенные социальные слои метрополии к успешным «высочкам» из колоний, которых, по их мнению, следовало «ставить на место» [11].

В XVII в. «Акт о мореплавании» запретил колонистам торговать с «третьими» странами, исключая торговлю на английских кораблях. Затем последовал запрет на вывоз на внешний рынок важнейших колониальных товаров: сахара, табака, хлопка, индиго (1660 г.), леса, смолы, дегтя, скипидара, пеньки (1706 г.), железа, чугуна, шелка-сырца, поташа, кож, ворвани, китового уса (1764 г.), меди, пушнины (1772 г.), патоки (1773 г.). Это целиком переориентировало торговлю колоний на метрополию, которая затем реэкспортировала их товары по завышенным ценам¹.

Параллельно принимались меры, нацеленные на уничтожение колониальной промышленности. В 1730 г. был издан закон «О железе», запрещающий плавку стали, в 1732 г. – закон «О шляпах», пресекавший изготовление шерстяных тканей и фетра. Теперь переселенцам приходилось ввозить из метрополии даже такие обиходные вещи, как гвозди. Многие перешли с шерстяной одежды на кожаную.

Экономическая дискриминация колоний усугублялась практикой частных лиц, которые, исходя из позиции государства, позволяли себе непомерный подъем цен на поставлявшиеся колонистам готовые изделия. Английские купцы считали «хорошим тоном» включать в стоимость товаров спекулятивную надбавку в размере 25–40 %. Капитаны торговых судов плюсовали к ней оплату расходов за доставку, которая определялась ими произвольно. Была установлена практика предоплаты

¹ В начале XVIII в. Великобритания ежегодно вывозила из Северной Америки 100 млн фунтов табака. Ее внутреннее потребление составляло 4 млн фунтов; остальной объем реэкспортировался по стоимости, в 2–3 раза выше закупочных колониальных цен [5, с. 33].

доставки товаров колонистами. Она полностью исключала рекламации на полученный из метрополии некачественный или испорченный груз, из которого, в конечном итоге, лишь $\frac{1}{3}$ отвечала требованиям заказчиков или была пригодна к употреблению.

Все это вызывало нарастающий протест переселенцев, хотя изначально они позиционировали себя как верных подданных английской короны и всячески подчеркивали связь с метрополией. Но этот настрой разрушался безразличием Лондона к их судьбам и проблемам, его алчным и дискриминационным отношением. Переселенцы были вынуждены самостоятельно налаживать эффективное самоуправление, противостоять внешним угрозам и, к тому же, выживать в тех жестких экономических условиях, в которые их ставил заокеанский сюзерен.

Колонии получали поводы для недовольства не только экономического порядка. Неудачи в борьбе с индейцами спровоцировали в 1676 г. беспорядки в Вирджинии — первое выступление против метрополии на политической основе. Его основой стали возмущение отсутствием военной помощи из Англии и требование выделения части собираемых в колониях налогов на усиление обороны. В ответ метрополия продемонстрировала не только неуступчивость, отказавшись рассмотреть требования вирджинцев, но и жестокость, казнив 14 «зачинщиков бунта». Она сделала свои выводы из произошедшего, ликвидировав в 1684 г. местное самоуправление, передав власть здесь королевским губернаторам. Их жалование зависело от величин денежных сборов «на местах». Т. о., губернаторы были заинтересованы в усилении налогового бремени на подвластные территории.

Эта акция шла вразрез с местными формами демократического правления, что породило противостояние губернаторов и ассамблей. Последние олицетворяли традиционный институт выборных представителей колониального общества [15], который уже доказал свою эффективность и являлся предметом гордости переселенцев [9; 12]. Обладая высоким кредитом доверия со стороны колонистов, они вели последовательную борьбу за возвращение своих позиций. В 1688 г. Коннектикут и Род-Айленд судебным порядком восстановили самоуправление. Через год беспорядки, вызванные бесполезностью института губернаторов в организации отражения набегов индейцев, охватили Нью-Йорк, Массачусетс, Мериленд. И хотя они были подавлены силой, эти колонии также вернули самоуправление.

Итак, экономические и политические противоречия между колониями и метрополией углублялись. Еще более их усугубили итоги двух войн, которые Великобритания вела в XVIII в. на американской земле.

II. Война с французами и индейцами. Война Понтиака

Давние территориально-политические противоречия Великобритании и Франции в XVI в. вышли за пределы Европы, распространяясь на иные регионы, где сталкивались их интересы. Северная Америка не бы-

ла в этом отношении исключением. В XVII – начале XVIII вв. англо-французское противоборство здесь вылилось в столкновения: 1628 – 1632 гг., 1688 – 1697 гг., 1701 – 1713 гг., 1740 – 1745 гг. Впрочем, эти конфликты имели в Северной Америке ограниченное отражение, и их итоги были незначительны [34]. По-иному выглядела так называемая Война с французами и индейцами. Она являлась составной частью Семилетней войны 1756 – 1763 гг., в которой и Великобритания, и Франция надеялись, помимо прочего, полностью вытеснить страну-соперницу из Северной Америки [36]. На это указывали тщательность подготовки к кампании, ее крупные для внеевропейского региона масштабы, а также то, что столкновения развернулись здесь задолго до официального начала боевых действий между метрополиями. Ситуация обострялась тем, что североамериканские владения обоих государств также, сами по себе стремились решить свои территориальные проблемы за счет друг друга.

Наиболее решительно были настроены французские власти Канады. Захват британских колоний позволял им овладеть хорошо освоенной территорией с плодородными землями, развитой инфраструктурой, незамерзающими портами [33].

Непосредственные интересы британских колоний обуславливались наличием «французского ошейника» – сплошного пояса владений Франции, шедшего от Великих озер и бассейна Огайо до устья Миссисипи. Он полностью перекрыл дальнейшее продвижение поселенцев в западном направлении; в его пределах под французским покровительством создавался враждебный потенциал индейских племен [32]. Отсюда происходила задача – разорвать «ошейник», устранить исходившие с его стороны угрозы, ликвидировать фактическое состояние сухопутной блокады.

Из возможных территориальных присоединений колонистов особенно интересовал бассейн Огайо с его плодородными землями и доступом к водной артерии Миссисипи. Поэтому именно «страна Огайо» стала основным узлом межколониальных противоречий, которые переросли в опередившую официальное столкновение метрополий Войну с французами и индейцами [24; 29].

Несмотря на следы пребывания в Огайо французов, в середине XVIII в. сюда началось проникновение английских поселенцев. В ответ власти Канады начали пропаганду среди делаваров и шауни – наиболее влиятельных местных племен, инспирировав в 1745 г. их нападение на колонистов. Затем, в 1753 г. на спорную территорию было введено 1,5 тыс. французских солдат, соорудивших в направлении от Эри до верхнего течения Огайо форты Преск-Иль, Лебер и Венанго. Таким образом, за три года до начала Семилетней войны обстановка в Северной Америке накалилась. По этому поводу Б. Франклин отмечал: «Нет покоя нашим тринадцати колониям, пока французы владеют Канадой» [10, с. 315].

По собственной инициативе колонии отправили в конце 1753 г. к французским фортам в «стране Огайо» отряд майора ополчения Дж. Ва-

шингтона с тем, чтобы передать их гарнизонам «озабоченность и удивление» [28, с. 42]. Но французы заявили Вашингтону, что считают Огайо своим владением и не отступят.

Весной 1754 г. в Огайо снова вступил отряд Вашингтона численностью 159 ополченцев. Это был рискованный шаг, т. к. спорную территорию патрулировало около 600 французских солдат и более 1,5 тыс. индейцев. Тем не менее Вашингтон вышел к руслу Огайо, возведя на западном склоне Аллеган форт Необходимость. Эти действия разрывали наиболее удобные пути сообщения Канады со «страной Огайо» и потому не могли остаться без ответа. Первая атака на форт была отбита. Но летом, сосредоточив против гарнизона 500 солдат и 500 индейцев, неприятель заставил его капитулировать. Кампания в Северной Америке между владениями Великобритании и Франции началась пока без вмешательства метрополий, получив со стороны колонистов название Войны с французами и индейцами.

Между тем Лондон и Париж тоже готовились к более масштабному столкновению, которому было суждено развернуться на четырех континентах. Сосредоточение сил Великобритании для ведения войны в Северной Америке началось в 1755 г. В апреле в Вирджинии высадился первый эшелон британских войск (1 тыс. человек) под командованием генерала Э. Брэддока. На колонистов была возложена обязанность его снабжения. При этом, пользуясь режимом военного времени, английское командование установило грабительски низкие цены на все закупки. Несогласие с ними объявлялось государственной изменой.

Кроме того, английские военные с откровенным презрением относились к опытному местному ополчению. Это привело к трагедии. Летом 1755 г. Брэддок до объявления войны решил нанести удар по «стране Огайо», выдвинув против нее 900 солдат и 450 ополченцев. Игнорируя советы Вашингтона, он попал в засаду, силы которой насчитывали всего 100 французских солдат и 650 индейцев. В итоге сам Брэддок погиб, потери его людей составили 900 человек, противника – 30.

Передовой корпус британской армии был уничтожен. В августе 1755 г. французы и гуроны вторглись в долину реки Гудзон. Без помощи англичан ополченцы разбили врага близ форта Эдвард. Но, несмотря на этот успех, в колониях воцарилось ожидание долгой и тяжелой войны.

Семилетняя война началась в мае 1756 г. К ее началу англичане сосредоточили в северо-американских колониях 20 тыс. перебросенных из метрополии солдат под командованием генералов Г. Лаудона (1756–1757 гг.) и Дж. Форбса (1757–1760 гг.). Колонии выставили в их поддержку 10-тысячное ополчение. Британским силам противостоял генерал Л.-Ж. де Монткальм с 10-тысячной армией. Уступая противнику в численности, она имела важное преимущество – почти половина французских военных, в отличие от недавно прибывших в Северную Америку английских войск, находилась здесь давно. Поэтому они хорошо знали театр боевых действий и специфику ведения операций в местных условиях. Этими же

качествами обладали вспомогательные силы Монткальма — около 2 тыс. французских «лесных бродяг» и более 15 тыс. союзных индейцев.

Генерал Лаудон вскоре был отозван за бездействие. Сменивший его генерал Форбс не отличался особыми талантами. Летом 1758 г. он двинул вверх по Гудзону 16-тысячную армию, 60 % состава которой было укомплектовано ополченцами. Плохое командование привело к тому, что у расположенного близ озера Шамплейн форта Текондерога она была разгромлена Монткальмом, у которого было всего 3,5 тыс. солдат и гуронов. Провалом закончилась и попытка овладеть фортом Дюкенъ в октябре 1758 г. После этих скандальных неудач Форбс тоже отказался от действий.

Французы активно задействовали в войне индейцев, которые свирепствовали в приграничье. Свидетельские показания Вашингтона сообщают: «Я не владею ... средствами языка, чтобы описать разлившееся море горя ... Катастрофическое положение на границе ... Полоса шириной 80 миль опустошена» [28, с. 75, 78]. Но английские военные не принимали участия в отражении набегов индейцев, мотивируя это «низостью» противника. Ополченцам пришлось вести с ними «собственную» войну.

Ситуацию удалось стабилизировать к декабрю 1758 г., когда ополчение под командованием Вашингтона заняло форт Дюкенъ (переименован в форт Питт, позже — Питтсбург). Опираясь на него, в начале 1759 г. удалось вытеснить неприятеля с южного побережья Онтарио. Таким образом были разорваны основные пути сообщения между Канадой и племенами Огайо, после чего активность последних спала. Колониальное ополчение с честью выполнило свою миссию в этой кампании.

Семилетняя война завершилась 10 февраля 1763 г. Парижским миром, положив конец и региональной Войне с французами и индейцами. Для Великобритании ее итоги оказались успешными. В частности, в Северной Америке она аннексировала Канаду и бассейн Огайо. Эти позволило ей полностью выдворить Францию с континента, вдвое увеличило площадь ее североамериканских владений. Она получила доступ к колоссальным биологическим и земельным ресурсам, к транспортной артерии Миссисипи. Но этим плюсам противостоял важный минус — дальнейшее обострение отношений с ее приатлантическими колониями.

Оказав метрополии серьезную материальную и военную помощь, они не получили за это ни малейшего вознаграждения. Колонии не претендовали на земли Канады, но надеялись на территориальные приобретения в бассейне Огайо. Однако эта «страна» была объявлена коронным владением. Колонисты не получили компенсаций за военные поставки британским войскам и их реквизиции. Искалеченные в боях ополченцы, семьи погибших волонтеров, около 10 тыс. пострадавших от индейских набегов семей остались без помощи королевской казны.

Британские власти совершили ряд действий, глубоко оскорбивших колонистов. Право расселяться в «стране Огайо» получило французское население Канады. Кроме того, оно как «пострадавшая сторона» полу-

чило налоговые послабления. Воевавшие за французов индейские племена были амнистированы, сохранили за собой захваченные в колониях трофеи и пленников. Их лояльность приобреталась началом выдачи подарков, в том числе оружием и боеприпасами.

Возникшее по всем этим причинам раздражение колонистов еще более обострилось во время Войны Понтиака. Эта кампания часто характеризуется как всеобщее восстание индейцев против европейского колониального присутствия в Северной Америке [23]. Но эта ее оценка несостоятельна так как:

- масштаб выступления нельзя назвать всеобщим постольку, поскольку оно охватило лишь племена бассейна Огайо и Великих озер;
- монолитного аборигенного фронта не существовало: повстанцам, к примеру, на стороне Великобритании противостояла Лига ирокезов;
- движение имело явно профранцузский характер, хотя его правильнее назвать «постфранцузским», т. к. по итогам предыдущей кампании Франция оказалась удалена из Северной Америки. Но среди повстанцев был широко распространен мотив мести за «братьев-французов».

Последний тезис требует пояснений. К середине XVIII в. проживавшие к востоку от Миссисипи племена уяснили, что европейское присутствие в регионе — данность необратимая. Им оставалось лишь выбрать — какая из его моделей оказывается более приемлемой для них, и выбор приходился на французский тип колонизации. Таковой не стал причиной массового прибытия переселенцев из метрополии, в его рамках отношения между коренным и пришлым населением (не в последнюю очередь из-за его малочисленности) сложились относительно равные. Французские власти старались соблюдать территориальные договоры с индейцами, не вмешивались в их внутренние дела. Поэтому потеря опеки, которая служила гарантией невторжения в их пределы других европейских государств, являлась для племен определенной утратой.

Следует отметить, что официальная Великобритания с середины XVIII в. также начала стремиться к лояльности в отношении индейцев. Но стаж этой линии был не столь долгосрочен, и потому разрушить ее могла любая случайность.

Формальным поводом развития событий стали действия первого английского губернатора Канады генерала Дж. Армхерста. Ознакомившись с документами о действиях воевавших за французов племен, он прекратил раздачу им подарков. Но либо по случайности, либо по умыслу в последней партии раздачи оказались одеяла, которыми пользовались оспенные больные. Этого оказалось достаточно для начала восстания. В нем приняли участие проживавшие в Канаде и «стране Огайо» гуруны, оттава, оджибуэи, потавотоми, шауни, саук, фокс, майами и ряд других — все те, кто недавно сражался против англичан.

Выступление было хорошо подготовлено, в чем состояла заслуга вождя оттава Понтиака. Ранее он имел тесную связь с французской адми-

нистрацией Канады, выполняя с 1754 г. функции представителя интересов индейцев. Поэтому теперь ему не составило труда согласовать действия племен на большой территории.

Восстание вспыхнуло от Великих Озер до земель на западе Вирджинии, Мериленда, Пенсильвании и Нью-Йорка. Этот абрис указывает, что хотя поводом для выступления стали действия английской администрации Канады, главные цели повстанцев состояли в том, чтобы не допустить в «страну Огайо» переселенцев из приатлантических колоний и нанести военное поражение именно им. Но достичь их индейцы не могли, не обезопасив свой тыл уничтожением фортов, созданных английскими военными в «стране Огайо» в 1759–1762 гг. Парадокс состоял в том, что данные укрепления возводились ради пресечения просачивания колонистов на эти земли, обеспечивая безопасность самих индейцев.

7 мая 1763 г. оттава, оджибуэи, потавотоми и гуроны под руководством Понтиака осадили форт Детройт с гарнизоном 130 солдат. Одновременно отряды сенеков, шауни, делаваров, фокс, саук и майами двинулись на восток — к Аллеганам, захватывая не столь крупные укрепленные пункты с гарнизонами по несколько десятков солдат в каждом. Всего к началу июня пало восемь фортов; кроме того, было уничтожено множество незащищенных поселений. 22 июня индейцы осадили форт Питт. Это создало угрозу их вторжения вглубь территории колоний [35].

Прикрывавший доступ к «цивилизованным» землям форт Питт представлял собой серьезное укрепление, которое защищали 350 солдат. Но обстановка оставалась угрожающей, а потери английских войск оказались велики. Лишь к августу 1763 г. британское командование осознало, что не сможет справиться с противником, не призвав на помощь ополченцев. Их внезапный удар деблокировал форт Питт, лишив индейцев возможности перейти через Аллеганы. Тогда те приняли решение отрезать приатлантические колонии от Канады и начали развивать наступление на север — вдоль восточного побережья Эри.

В сентябре 1763 г. повстанцы окружили форт Ниагара. Но гарнизон, получив помощь со стороны оставшегося верными Великобритании племени ирокезов, заставил их отступить. Это поражение стало обратной точкой отсчета восстания. Кроме того, на его дальнейший ход решающее влияние оказали:

- безуспешность осады Детройта, которой руководил лично Понтиак;
- тщетность надежд на поддержку со стороны франкоязычного населения Канады и самой Франции. Большинство «белых» франкоканадцев дистанцировалось от индейских повстанцев. Официальный Париж после недавнего поражения в Семилетней войне не был готов к новому столкновению с Лондоном. Кроме того, очаг Войны Понтиака был территориально изолирован от внешнего мира и Франция вряд ли имела достоверные сведения о соответствующих событиях.

В начале октября 1763 г. начался распад повстанческой коалиции. Племена складывали оружие. Демонстрируя раскаяние, оттава изгнали Понтиака, который укрылся у племени майами. Со своей стороны, официальная английская сторона приняла ряд инициатив, которые существенно усилили ее позиции в этом конфликте. Так, губернатор Армхерст был объявлен виновным в начале кровопролития и отозван в Великобританию. Его мораторий на выдачу подарков отменялся. А в конце 1763 г. король Георг III издал указ, запретивший колонистам проникать на индейские территории (закон «О запретной линии Аллеганы — Камберленд»).

Эти акции в значительной степени лишили восстание смысла, т. к. фактически соответствовали его изначальным целям. Какое-то время очаг восстания сохранялся на Огайо, среди наиболее удаленных к западу племен саук, фокс и майами. Но боевые действия уже сошли на уровень мелких разрозненных стычек. После гибели Понтиака в 1769 г.¹ обстановка здесь стабилизировалась.

«Белая» сторона в итоге этой кампании пострадала сильнее коренного населения. Потери английской регулярной армии составили 450 человек², колонистов (считая ополченцев и мирных жителей) — около 2 тыс. человек. Более 4 тыс. поселенцев обратились в беженцев. Коалиция воевавших племен заявила о потере 200—300 воинов и более 1 тыс. мирных жителей. Это соотношение посеяло среди жителей колоний уныние и осознание нежелания Лондона защищать их.

Колонистов возмутило возобновление раздач подарков воевавшим племенам, сохранение за ними очередной партии захваченных трофеев. Еще большее раздражение вызвали территориальные итоги Войны Понтиака.

Колонисты надеялись, что она внесет определенные коррективы в индейскую политику Лондона, которые позволят им аннексировать «страну Огайо» [41]. Но закон «О запретной линии Аллеганы — Камберленд» от 1763 г. обманул эти ожидания. Мало того, любые нарушения данного акта должны были силой оружия пресекаться вновь размещенными на Индейских территориях гарнизонами английских войск. Фактически, если раньше колонии были стеснены «французским ошейником», то теперь его сменил «ошейник Его Величества короля Георга III».

III. Необратимая стадия конфликта с метрополией

Положение дел 60-х — начала 70-х годов XVIII в. создает впечатление, что Великобритания намеренно провоцировала колониальный мятеж. Отправной точкой послевоенного роста напряженности стал указ 1763 г. «О запретной линии Аллеганы—Камберленд». За ним в 1765 г. последовала серия законов, которые были нацелены на дальнейшее экономическое удушение колоний:

¹ Он при неясных обстоятельствах был убит последовавшими ранее за ним в изгнание соплеменниками.

² Из них 50 были замучены в плену. Один английский солдат стал жертвой каннибальского обряда.

– «О монете», требовавшем расчет за торговые операции с метрополией лишь в «звонкой» монете, и «О налоге», также требовавший выплаты государственных налогов монетами. Искусственно усилив отток из колоний финансовых средств, эти законы поставили их на грань экономического коллапса;

– «О сахаре», запретившем колониям закупать в иных английских владениях сахар и ром. То есть, если раньше они были изолированы от внешнего рынка, то теперь началось ограничение их торговли с другими частями Британской империи.

– «О помощи», которым под предлогом борьбы с контрабандой позволял королевским чиновникам обыскивать любое помещение по одному лишь подозрению, в каждое время суток и неограниченное число раз. Принадлежность обнаруженных вещей к контрабанде доказательств не требовала. Наказанием служила полная конфискация имущества. «Предписание» угрожало населению колоний разгулом бездоказательных экспроприаций.

– «О гербовом сборе», вводивший пятикратное налогообложение всей выпускавшейся в колониях печатной продукции и любых составленных на их территории юридических документов.

После выхода этих законов система ограбления колоний достигла, в известном смысле, совершенства. Любые пути их хозяйственного развития были пресечены. Количество каналов выкачивания из них средств достигло всех мыслимых пределов. Дефицит их торгового баланса с Великобританией всего за несколько лет к началу 70-х годов XVIII в. стремительно возрос, достигнув 20 млн ф. с. в пользу последней.

Одновременно законодательные инициативы метрополии приобретали все более злобный характер. Так, неисполнение закона «О гербовом сборе» грозило смертной казнью. Де-факто колонии ввергались в атмосферу средневековой юридической жестокости. При этом поражает легкомыслие, царившее среди английской политической элиты. Судя по всему, она не верила в сопротивление. Отражая ее взгляды, видный лондонский публицист С. Джонсон писал: «Колонисты – раса преступников, которые должны быть благодарны нам за все ... Если их повесят не выслушав, то только потому, что они не нуждаются в суде, эти ... неблагодарные чудовища» [22, с. 17].

В ответ в колониях начали действовать экстремистские группы «Сыновей свободы», нападавших на английских военных и королевских чиновников. Идеи обретения независимости охватили все слои колониального общества, так как действия Лондона угрожали благосостоянию, правам и самой жизни и бедных, и состоятельных поселенцев [16; 17; 37]. Параллельно среди них начался массовый бойкот английских товаров.

Столь решительный ответ вызвал замешательство в Лондоне. В парламенте наконец стал слышен голос немногочисленных сторонников смягчения отношения к колониям. Происходившую тогда в британских

политических кругах внутреннюю борьбу отразили последующие «зигзаги» в их законотворчестве. Так, в 1766 г. был отменен закон «О гербовом сборе» и смягчен закон «О сахаре», сохранивший запрет лишь на ввоз в колонии рома. Но в 1777 г. в силу вступил «Закон Таушенда», введивший повышенные пошлины на ввозимые чай, стекло, бумагу, краски, свинец.

Противоречивой оказалась вышедшая в 1768 г. поправка к закону «О запретной линии Аллеганы – Камберленд», отражавшая компромисс между про- и антиколониистскими группировками парламента. По ней ветеранам Войны с французами и индейцами и Войны Понтиака, а также лицам, пострадавшим в этих кампаниях, разрешалось поселение в бассейне Огайо. Но защита от индейцев здесь не гарантировалась.

Именно этот пункт и стал причиной того, что поправка «О ветеранах и пострадавших» была воспринята в колониях как издевка. Ее обнаружение спровоцировало беспорядки в крупных городах. В ответ английская армия применила силу, расстреляв в 1770 г. в Бостоне безоружную демонстрацию.

«Бостонская резня» вызвала бурную реакцию. Беспорядки перекинулись в малые города и сельскую местность. Разрастание конфликта отрезвляюще подействовало на британский парламент. Жестом примирения с его стороны стала отмена «Закона Таушенда» с одним странным исключением – сохранением высокой пошлины на ввоз чая. Но столь мелкие уступки уже не могли разрядить ситуацию.

При рассмотрении тех или иных событий глубоким заблуждением является недооценка той роли, которую сыграла в них конкретная личность [27]. В конфликте, который разгорелся в середине XVIII в. между Великобританией и ее колониями, огромное значение имела позиция короля Георга III. Его традиционная харизма позволяла предотвратить взрыв. Но он предпочел направить события в иное русло.

Неизвестно, какие мотивы созрели у Георга III отрицательное отношение к североамериканским колониям. Но, по свидетельствам современников, «он был их злейшим врагом» [44]. Позиция короля вселила в британскую политическую элиту такое воодушевление, что она решилась на действия, которые можно расценить лишь как безрассудные. «Сожалея» о «скупости» жителей североамериканских колоний, парламент принял решение о государственном дотировании пошлин на ввозимый в них чай. Большого унижения для взбудораженного заокеанского общества придумать было невозможно.

В ноябре 1773 г. в Бостон, где уже произошло кровопролитие, прибыл груз чая, пошлину за который оплатила королевская казна. Предполагалось, что он будет немедленно раскуплен «жадными» колонистами. Но бостонцы последовали распространенному в городе призыву: «Худшая чума – презренный чай ... прибыл в гавань. Перед нами выбор – либо полная гибель, либо мужественное сопротивление злодейству тирании!» [30, с. 67].

В декабре произошло «Бостонское чаепитие» – нападение местной ячейки «Сынов свободы» на стоявшие в гавани корабли с чаем и уничтожение их груза. Разумеется, это событие было расценено метрополией как «неблагодарность» и открытый вызов. В начале 1774 г. порт Бостона был закрыт, на жителей города наложен штраф в 10 тыс. ф. с. Ассамблею Массачусетса сменило прямое королевское правление. Затем последовали меры, которые затронули интересы всех колоний:

- Квебекский акт, отменивший поправку «О ветеранах и пострадавших»;
- учреждение должности генерал-губернатора колоний (генерал Т. Гэйдж) с санкцией применения силы при любых признаках проявления беспорядков.

Эти инициативы, известные под названием «Нетерпимые акты», лишь умножили число радикально настроенных поселенцев. В сентябре – октябре 1774 г. в Филадельфии состоялся I Континентальный конгресс, призванный отразить общую позицию колоний. На повестке дня стоял один вопрос: «Об обсуждении сложившегося бедственного положения», что означало определение характера и формы дальнейших отношений с метрополией. Здесь же прозвучал еще один, получивший впоследствии огромный резонанс, мотив. Один из конгрессменов, П. Генри, произнес следующую речь: «Америка едина ... Больше нет различий между вирджинцем, пенсильванцем, ньюйоркцем ... Я – американец!» [28, с. 120]. Эти слова обозначили новую грань осознания колонистами сути конфликта с метрополией – национальную, которая отныне стала для них исчерпывающим объяснением абсолютно всех, направленных против них, акций Великобритании [4; 26; 39]. Английская политика сама привела колонистов к ощущению этнического отчуждения, восприятия своей прародины в неприглядном облике иноземной угнетательницы.

Ответное воззвание Георга III фактически санкционировало открытие боевых действий [40]. Парламент объявил в колониях состояние мятежа. Армейское командование заявило о готовности пройти «из одного конца Америки в другой, кастрируя всех мужчин» [18, с. 24]. Метрополия не оставляла колонистам иного выбора, как взяться за оружие ради защиты своих достоинства и жизни.

IV. Расстановка сил накануне Войны за Независимость

Война за Независимость США принадлежит к ряду тех событий, которые в дальнейшем оказывают решающее и долгосрочное воздействие на формирование мировой территориально-политической обстановки и геополитической среды. Подтверждением тому служит оценка, которую ей дал в свое время В. И. Ленин: «История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, революционных войн, которых было не так много» [7, с. 48]. Ее первоочередным итогом стало появление первого суверенного государства в Новом Свете. Кроме того, она в самые кратчайшие сроки стала:

– основой формирования некоторых идеологических позиций Великой французской революции [42];

– образцом для испанских колоний, последующее восстание которых привело к изменению политической карты всего Западного полушария в XIX в.

Первым эпизодом Войны за Независимость стало столкновение ополчения Массачусетса с британским гарнизоном Бостона в апреле 1775 г. Намереваясь захватить размещенный за городом арсенал повстанцев, генерал Гэйдж двинул к нему 2 тыс. солдат. Эта операция обернулась двойным сражением у Лексингтона и Конкорда. Его масштаб был невелик – потери обеих сторон исчислялись «всего» десятками погибших. Но знаковость события не вызывала сомнения:

– англичане, действуя в сомкнутых шеренгах, столкнулись с новой для себя тактикой ведения противником боя в рассыпном строю и потерпели поражение. При этом их потери (75 убитых, 174 раненых) оказались втрое тяжелее, чем у повстанцев;

– обе стороны вели себя беспощадно. Англичане добивали раненых ополченцев холодным оружием. Колонисты скальпировали пленных.

Это указывало, что война будет тяжелой и жестокой. Рассмотрим положение враждебных сторон в системе международных отношений, их военно- и политико-географические позиции, соотношение сил между ними.

Географическое положение колоний было крайне неблагоприятно. От Уайт-Маунтинс до восточной оконечности озера Онтарио с ними граничила Канада, территория которой представляла собой идеальный плацдарм для наступления англичан и нанесения ими решающего удара «в сердце» сопротивления – Новую Англию. С юга к колониям примыкало другое британское владение – Флорида. Она была в значительной степени изолирована от театра военных действий болотами, непрерывно тянувшимися от реки Алабамы до побережья Атлантики. Но на ее западном побережье находился Сент-Огастин – военно-морской порт и промежуточный пункт переброски войск из Карибского бассейна [31].

В пределах раскинувшейся от Онтарио до долины Алабамы дуги повстанцы соседствовали с Индейскими территориями. В выступлении заселявших ее племен на стороне англичан сомневаться не приходилось.

Со стороны Атлантики это враждебное окружение замыкалось крупной военно-морской базой Великобритании на Бермудских островах. Отсюда англичане угрожали всей береговой линии восставших колоний.

В конфигуративном плане восставшие колонии представляли собой не столь уж широкую меридиональную полосу с наибольшим широтным простиранием в 650 км от побережья Атлантики к западному фронтиру Северной Каролины, Вирджинии и Пенсильвании. Таким образом, враг мог рассечь их территорию встречными ударами с запада и востока сразу в нескольких местах, расчленив ее на изолированные очаги.

Преобладающим типом ландшафта североамериканских колоний являлась хорошо освоенная равнина. Это означало, что привычные к боевым действиям в схожих условиях английские войска будут чувствовать себя на ней уверенно.

Итак, восставшие колонии находились в состоянии полного окружения. Неприятель мог атаковать их с любой стороны или с нескольких сторон сразу. Конфигурация и ландшафтный тип их территории в целом мало способствовали организации эффективной обороны. В таких условиях большое значение приобретало количественное и качественное соотношение сил между противниками.

Английские солдаты и офицеры славились стойкостью, дисциплиной и выучкой. Но сухопутная армия Великобритании традиционно была невелика. Кроме того, она оказалась рассеяна по иным, далеко отстоявшим от Северной Америки территориям, и ее полный сбор по стратегическим соображениям был невозможен. Поэтому англичане смогли выделить на борьбу с восставшими сухопутный корпус численностью чуть более 15 тыс. человек. Такой контингент был явно недостаточен для ведения масштабных боевых действий на отдаленных землях.

Что касается колоний, то большинство проживавших в них мужчин обладало оружием и умело с ним обращаться. В отличие от английских солдат, взятых на службу по рекрутскому набору, регулярные силы повстанцев (Континентальная армия) формировались на добровольной основе, которая подкреплялась материальными стимулами — выплатой жалованья и гарантией наделения земельным участком по окончании войны. Как представлялось, это позволит:

- создать вооруженные силы из тех людей, которые, по тем или иным причинам осознанно вступили в их ряды;
- стимулировать их активность системой материальных поощрений.

Однако реализация этих замыслов натолкнулась на сложности. Так, свободолобивые традиции поселенческого общества обрели в данном случае отрицательный знак. Многие колонисты не желали вступать в армию лишь потому, что это означало подчинение дисциплине. В итоге в рядах Континентальной армии к началу войны насчитывалось 27 тыс. человек. Это был крупный численный перевес над британским корпусом. Но у Континентальной армии не было времени на создание общего штабного управления, интендантской и медицинской служб. Большинство ее солдат и офицеров ранее в регулярных войсках не служили, не имели опыта участия в крупных сражениях, ведения масштабных военных операций.

Таким образом, обе противостоявшие стороны имели основания для опасений по поводу своих регулярных вооруженных сил. Поэтому каждая из них старалась найти дополнительные источники их подкрепления.

Для Великобритании логично было обратиться к тем странам, которые могли либо официально выступить на ее стороне, либо позволить вербовку своих подданных. Казалось, что для этого наиболее подходят те

государства, которые имели владения в Новом Свете и которых не мог не беспокоить сам факт произошедшего там колониального восстания [21]. Но, как выяснилось, Россия, Франция, Нидерланды, Испания и Португалия оказались не столько озабочены влиянием «дурного примера» повстанцев на свои владения в Западной полушарии, сколько увидели в них силу, способную ослабить здесь позиции англичан.

Союзников Великобритании нашла в Германии. Это был ряд малых княжеств, которые специализировались на поставках солдат в иностранные армии. Их «живой товар» славился высоким качеством, созданным на основе жесточайшей дисциплины, отличной выучкой, богатым практическим опытом.

«Гессенцы»¹ дорожили своей профессиональной репутацией. Вдобавок их боеспособность усиливал материальный стимул. Жалованье солдат от зарубежной службы шло в княжескую казну. Но они имели право на грабеж населения на территории противника, поэтому, отличаясь стойкостью и решительностью в бою, обрели мрачную славу жестоких мародеров. За время Войны за Независимость в Северной Америке сражались 30 тыс. «гессенцев».

Серьезные подкрепления ожидали англичане и непосредственно в Северной Америке. Главным их компонентом стали те жители колоний, которые с оружием в руках выступили на стороне метрополии, — лоялисты.

Лоялизм времен Войны за независимость был сложным явлением [45]. Абсолютное большинство жителей колоний протестовало против произвола метрополии в легальных рамках. Но при открытом столкновении кто-то из них считал долгом выступить на стороне «законной» власти, кто-то не сомневался в победе англичан и, стремясь избежать последующих репрессий, встал на их сторону. Наконец, материальные посулы британского командования привели под его знамена немало маргинальных личностей. Всего за Великобританию сражались около 50 тыс. колонистов — ошеломляющая цифра, вдвое превосходившая количество солдат Континентальной армии.

Лоялисты частью служили в британской армии, но в большинстве образовали собственные формирования, из которых наиболее известны корпуса «Королевские американцы», «Британский легион», «Рейнджеры Ее Величества». Они прекрасно знали театр боевых действий. Это качество, соединяясь с фактором профессионального руководства английскими офицерами, позволило им эффективно действовать в любой обстановке. Вместе с тем, лоялисты отличались жестокостью по отношению к пленным и заподозренным в связях с повстанцами мирных жителей.

Еще один источник пополнения живой силы был найден англичанами благодаря оригинальной акции: покинувшим американских хозя-

¹ Обобщенное зарубежное название этой категории военнослужащих вне зависимости от того, из какого княжества они происходили.

ев и вступившим в армию неграм-рабам обещалась личная свобода. Это привело в британский корпус около 20 тыс. человек. Изначальный уровень подготовки таких солдат был, разумеется, низок. Но они отличались личной стойкостью и храбростью в бою. Это объяснялось и чувством социально-расовой мести бывшим «белым» хозяевам, и тем, что надевшего английскую форму чернокожего раба при попадании в руки повстанцев неизменно ожидало повешение.

К союзникам из местных жителей англичане проявляли повышенное внимание и заботу. Лоялистские подразделения хорошо вооружались и поступали под командование опытных офицеров. Негры-солдаты ограждались от дискриминации по цвету кожи. На насилие тех и других над мирным населением командование старалось смотреть «сквозь пальцы».

На стороне англичан выступили почти все индейские племена. Их ополчения не были способны к ведению длительных и сложных боевых операций, их дисциплина в основном была крайне низка. Но индейцы в совершенстве владели тактикой рассыпного боя, были незаменимы как разведчики и диверсанты; их беспощадность имела колоссальный устрашающий эффект. Всего вспомогательный индейский контингент насчитывал около 15 тыс. воинов.

База подкреплений Континентальной армии накануне войны оказалась существенно хуже, чем у британского корпуса. Ее главной вспомогательной силой являлось колониальное ополчение, бойцы которого прекрасно ориентировались в условиях местности, владели тактикой рассыпного боя. Ополченцам не выплачивалось армейское жалование, не выдавались воинские награды; таким образом, их ряды, в основном, пополняли люди либо твердых убеждений, либо имевшие какие-то серьезные личные претензии к английским властям. Вместе с тем ополчение не было свободно от серьезных недостатков.

Его представители в области тактических характеристик, мало отличались от индейцев. Их личная храбрость сочеталась с презрением к дисциплине, мастерство в организации засад и внезапных нападений — с отсутствием навыков и желанием участвовать в «правильных» сражениях. Ими руководили «доморощенные» командиры. Согласованность действий между отрядами была слабой; не исключалось и открытое соперничество.

На начало войны ополчение насчитывало 30 тыс. бойцов, численно превосходя главную ударную силу повстанцев — Континентальную армию.

Конгресс тоже обратил внимание на такой человеческий ресурс, как темнокожие невольники. Взятшимся за оружие неграм-рабам после года службы гарантировалось освобождение. Но эта акция оказалась не столь эффективна, как ожидалось, что объяснялось следующим:

– негритянское население в массе осознавало, что преобразования, за которые борются белые колонисты, не внесут изменений в его рабское положение;

– британский корпус пополняли беглые рабы; в ряды повстанцев невольник мог попасть лишь с согласия хозяина. Но и те рабовладельцы, которые являлись сторонниками независимости, неохотно расставались со своей «собственностью», и отрицательно относились к факту вооружения рабов;

– между солдатами Континентальной армии и ополченцами, с одной стороны, и вступившими в их ряды неграми – с другой, сохранялось расовое отчуждение.

В итоге в вооруженные силы повстанцев вступило 5 тыс. негров-рабов – едва ли не на порядок меньше, чем ожидалось.

К началу боевых действий Великобритания имела в Северной Америке двойное численное превосходство над противником: почти 130 тыс. человек против чуть более 60 тыс. у повстанцев. Примерно также обстояли дела и на море. Англичане направили на американский фронт около ста боевых кораблей с 10 тыс. моряков. Флот колонистов насчитывал 40 судов с 3 тыс. моряков.

Такое соотношение сил, учитывая к тому же явное неравенство в их качестве, могло иметь фатальные последствия для дела американской независимости. Великобритания была уверена в скором подавлении «мятежа», и вступила в войну, полностью руководствуясь этим настроением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антекер Г. История американского народа. Т. II. Американская революция 1763–1783. М.: Наука, 1962. 589 с.
2. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 405 с.
3. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс, 1993. 480 с.
4. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990. 240 с.
5. Иванян Э. А. История США. М.: Дрофа, 2004. 576 с.
6. История США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. I. 1983. 344 с.
7. Ленин В. И. Письмо к американским рабочим // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. М.: ИПЛ, 1977. С. 48–64.
8. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. II. М.: Просвещение, 1983. 399 с.
9. Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв.: В 3 т. Т. 1. / Отв. ред. В.А. Коленеко. М.: ИВИ РАН, 2008. 262 с.
10. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783. Серия: Классическая военная мысль. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2002. 634 с.
11. Севостьянов Г. Н., Языков Е. Ф., Куропятник Г. П. История Соединенных Штатов Америки. Т. I. М.: Наука, 1983. 688 с.
12. Слезкин Л. Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М.: Наука, 1980. 160 с. 4 л. ил. (Страны и народы).
13. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606–1642. М.: Наука, 1978. 335 с., 2 л. карт.
14. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630–1642. М.: Наука, 1980. 337 с., 1 л. карт.

15. Словарь американской истории / Под ред. Т. Первиса; пер. с англ. М.: РОС-СПЭН, 2007. 655 с.
16. *Согрин В. В.* Война за Независимость как социально-политическая революция. // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 84–99.
17. *Согрин В. В.* Идеиные течения в американской революции XVIII века. М.: Наука, 1980. 312 с.
18. *Согрин В. В.* История США. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
19. *Согрин В. В.* Мифы и реальность в американской истории. М.: Мысль, 1986. 256 с.
20. *Согрин В. В.* Основатели США. Исторические портреты. М.: Наука, 1983. 182 с. (История и современность).
21. *Согрин В. В.* Политическая история США. XVII–XX века. М.: Весь мир, 2001. 400 с.
22. *Степанова О. Л.* 4 июля 1776 года. М.: Молодая гвардия, 1976. 192 с.
23. *Стингл М.* Индейцы без томагавков. М.: Прогресс, 1971. 390 с.
24. *Тернер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
25. *Филимонова М. А.* Александр Гамильтон и создание конституции США. М.: изд-во ИВИ РАН, 2004. 264 с.
26. *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. 416 с.
27. *Шведов В. Г.* Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.
28. *Яковлев Н. Н.* Вашингтон. М.: Молодая гвардия, 1976. 416 с.
29. *Abernethy T.* Western Lands and the American Revolution. New York: Russell & Russell, 1958. 444 pp.
30. *Bontweck C.* The American Revolution. London, 1991. 336 pp.
31. *Coker W., Shofner J.* Florida. Houston: Pioneer Publications, 1991. 204 pp.
32. *Dale E.* The First American Frontier. New York: Morrow & Company, 1987. 369 pp.
33. *Eccles. W. J.* France in America. New American Nation Series. New York: Harper & Row, 1972. XII + 297 pp.
34. Encyclopedia of American history / Ed. by R. Morris and J. Morris. New York: Harper Collins, 1996. 507 pp.
35. *Grant B.* American Forts Yesterday and Today. New York, 1965. 381 pp.
36. *Harvey, R.* The Wars of Wars. The epic struggle between Britain and France 1789–1815. Constable & Robinson Ltd., London, 2006. 962 pp.
37. *Main J.* Political Parties Before the Constitution. Chapel Hill, 1973. XX + 481 pp.
38. National Geographic Historical Atlas of the United States. Washington, DC. National Geographic Society, 2004. 240 pp.
39. The American Revolution: Three views. New York: American Brands, 1975. 120 pp.
40. *Ward H.* The War for Independence and the Transformation of American Society. London, 1999. 320 pp.
41. *White R.* The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge University Press, 1991. 544 pp.
42. *Wood G.* American Revolution: a History. New York, 2002. 198 pp.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

43. *Берзин Э. О.* Рецензия на статью Жозефа Юре в «Revue des deux mondes». Сайт Скандинавского информационного центра [Электронный ресурс]

- URL: <http://norse.ulver.com/articles/reviews/revuedesdeus.html> (дата обращения 01.01.2013).
44. *Быкова А. Ф.* Англия при короле Георге III и короле Георге IV // Сайт Электронная версия журнала «История» [Электронный ресурс] URL: <http://his.1-september.ru/2001/16/6.htm> (дата обращения 31.12.2012).
45. *Согрин В. В.* Война США за независимость как социально-политическая революция // Сайт Vivos voco. — Июнь 2005 [Электронный ресурс] URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/SOGRIN_5.HTM (дата обращения 12.12.2012).
46. Хозяйство английских колоний в Америке // Образовательный сайт В. М. Степаненковой [Электронный ресурс] URL: http://www.stepanenkova.ru/uchebmat/history/istfil/histori_ekonomiki/angl_kolonii_v_amerike/angl_kolonii_v_amerike_s_2/ (дата обращения 02.04.2012).

* * *